

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

АЛЕКСАНДР ВОЛОВИК

СЛОВО ЗА СЛОВО

СТИХИ

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2013

А.И. Воловик. Слово за слово. Стихи –
М.: Вест-Консалтинг, 2013. — 44 с.

ISBN 5-86676-030-4

Александр Воловик стихи пишет с детства, печатается с 1987 г. Впрочем, в 1969 г. в г. Дудинке прошли две радиопередачи местного радио, в которых они читались. Автор даже получил гонорар около 71 руб, что по тем временам было вполне прилично (его зарплата в п/я составляла 110 руб/мес без вычетов). Помимо публикаций в журналах, газетах, альманахах, сборниках, анталогиях и даже в одной хрестоматии, А. Воловик – автор пяти изданных книг стихов: «Сам себе автор», М., «Авиатехинформ», 1996, «Договоримся о воздухе», М., «Новая поэзия», 2006, «Контаминация литер», Таганрог, «Нюанс», 2010, «Цмуксу», Таганрог, «Нюанс», 2011, «Похвала алфавиту», Таганрог, «Нюанс», 2012. Воловик член Союза литераторов России с 1992 г. С его стихами можно ознакомиться в интернете:

<http://poezia.ru/user.php?uname=Volovik>

<http://stihi.ru/avtor/volovik>

<http://autor-v-1.livejournal.com/> и др.

Связь с автором: a-volovik@yandex.ru
alexander.wolowik@gmail.com.

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции, в неё входят избранные стихи разных лет. Даты написания проставлены автором в тех случаях, когда они существенны.

© А.И. Воловик, 2013

© Нина Огнева, предисловие, 2013

© Союз литераторов России, идея издания, 2013

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2013

I

* * *

Январский вечер, но – почти весна.
Не 90-х, нет! 80-х.
И молодость ещё почти видна,
она как звёзды: светит, да не взять их.
Но молодость ещё почти слышна,
почти что ощутима, точно запах,
который во флакон надёжный заперт
и рвётся в щёлку. Но почти – весна.
Вершись, игра, пиши моя контора!
Ещё провала не видать почти,
где пагубные ящики Пандоры
распилят надо мною скрипачи.
Но жуток перечень грядущих дел и бед.
Гляжу: копеечка. А это белый свет.

МУЗЫКА

Дело, кажется, швах, лопнет кожица в швах барабана,
Do удавит валторну, органом взревет клавикорд,
и басовым ключом отомкнёт багинеты охрана,
и маэстро рванёт из оркестра и скроется, чёрт!
И сиятельный Бах развернёт оскорблённые брови,
и смахнёт незаметно на лацкан скупую бемоль,
и кровавый взорвётся аккорд у сопрано в утробе.
Рухнет замертво мир, поражён глухотой, как бельмом.
И умрут контрапункты, навязшая в клавишах жвачка.
Изумрудом и охрой мазнёт нас огня помело.
Мы летим под уклон, нас летально нуклон перепачкал,
и летает не клёвый пришелец, а чёрт в НЛО.
Вот он реет над нами, флюидами праха пропитан,
мастер магии мрачной и злой виртуоз похорон.
Выстриг фрачные фалды, хвостом опрокинул пюпитр
и, летя, улюлюкает в переносной какофон!
Мы уплатим налог на молитвы и сладкие звуки:
дискжокей, гогоча, заколотит нам в лоб децибел.
вивисекция лебедея – благо для гитик науки:
как сулил постулат – он не сдох, пока не досипел.
К пароксизму прогресса поспели смертельные споры.
С ними споры безумны: они уже тут, на губах.

В темноте вместо нас расцветают рябые узоры –
сглазил чёрный маэстро, и дело действительно швах.

ОТЛАДКА

*...из грехов своей родины вечной
не сотворить бы кумира себе.
Б.Окуджава*

Когда я надену тапочки и дню подведу итог,
мой дом обратится в капище, где витает в обоях бог.
Но не светлый, от века благостный, влюблённый в меня и в вас,
а босс, безжалостный к слабостям, закованный в «Адидас».
Прогрессивен божеский промысел: не кудесник,
но – программист
по последнему слову Кроноса оборудовал Парадиз.
Над клавиатурой скрючившись, диодами осветив,
он выведет яркость ручками и выйдет в интерактив.
Но ничуть не запахнет жареным и почти не станет светлей,
когда полыхнёт скрижальями неопалимый дисплей.
И рубя, как ракеткой погнутой – вверх и вправо, влево и вниз –
бог разделит на файлы комнату и загрузит на чистый диск.
Он введёт подправленный радиус пространственной кривизны
и засвищет, сангвиник, радуясь, предвкушая конец возни.
За квартирой – квартал, республика и Вселенная вся, легка,
и хлопочет небесная публика под мотивчик из ХТК*.
Ты прости-прощай, коммуналочка, универсум родной, адью!..
Демиург мановением пальчика всю материю свёл к нулю.
Вот сейчас он натянет тапочки и дням подведёт черту,
и не жалко ему ни чуточки Вселенную нашу, ту...
Юзер будущей генерации протестирует интерфейс,
к фруктам-яблочкам просто-напросто игнорируя интерес.
Райский сад разделил на секторы и, как будто играя блиц,
он уходит от вивисекторов: до ребра бы не добрались!..
Всё в итоге опять по полочкам: мрак на нижней,
на верхней свет,
только нам в этом всём с иголки, кроме ящика, места нет.
Что ж нас гонит – дрожать над безднами, кейфовать,
потупясь в надир,
из грехов мироздания бедного сотворивших себе кумир?

* ХТК – Хорошо Темперированный Клави́р (И.-С. Бах, 1685 – 1750)

* * *

Бог создал бороду. Чёрт с бритвою пришёл.
Бог создал глаз. Враг сделал телевизор.
Бог дал любовь. Шайтан открыл сексшоп.
Бог – край обетованный. Дьявол – визу.
Бог дал дорогу. Дьявол – автостоп.
Бог дух явил. А бес придумал букву.
Бог – снова глаз. А этот – телескоп.
Бог – сладкий сон. Чёрт – раннюю побудку.
Бог *сделал ноги*. Дьявол – мерседес.
Бог воду создал – враг похитил пламя.
Бог – крылья ангелам. А боинг людям – бес.
Бог дал царя. А чёрт ему – Парламент.
Бог – виноград. А чёрт – аперитив.
Бог дал гортань. Лукавый – матюгальник.
Бог – рай зачатья. Бес – презерватив.
Бог дал жену. Шайтан – гарем стоспальный.
Бог – звуки сфер. Нечистый – звон монет.
Бог – сто языков. Чёрт – со словарями.
Бог – Откровенье. Дьявол – Интернет.
Бог весь – Добро.

– А чёрт?

– Судите сами!

* * *

С.М. Олиновой

Как сказать – тихо, или погромче?
Да, пожалуй, лучше будет потише.
Хотя можно и грохнуть что твой погромщик:
как война, рифма всё спешет.
Это розы её, метаморфозы,
пресноватая кровь сам-друг с бровью
расправляют в плавленый сырок рожу,
(и моя – гляди – вымя коровье).
И проходит жизнь, и почти рядом.
Покопайся в склизких её анналах.
Ну, не рифму сыщешь настырным взглядом –
хоть в обмылках быта – её аналог.
За которым – когда он как звук подан –
в потрохах эпохи ни эха: тихо.

ЦИРК

Пора, пожалуй, в цирк, в программе наше время.
Приобретён билет по благу и в кредит.
И вот – угар фанфар клокочет по арене,
гремит мотоциклет и из вольер смердит.
Ещё летит манеж по замкнутой спирали,
сливаясь сам с собой и взлёт в зенит суля,
ещё медведи жмут на нужные педали
и празднично ревут, балдея у руля.
Но вот – уж не смешно от липкой оплеухи,
осточертел атлет с гирляндой ватных гирь,
и в ложу царскую уже слетелись мухи –
там, репетируя, кровотоцит упырь.
Коня! Скорей коня! Полцирка – за Пегаса!
Сперва – хоть пару слов, а там – да будет свет!
Притихнет бенуар, и зрительская масса
шталмейстера сметёт и сменит худсовет.
Займут свои места патриции трапеций,
распределит жонглёр в пространстве семь шаров,
исчезнет вурдалак, оркестры грянут скерцо.
– Виват, прекрасный цирк в прекрасном из миров!..
Но как коварен маг! придурковат ковёрный!
Как публика мудра, *где следует* – смеясь!..
А мы – под куполом. В дверях торчит дозорный.
Он вырубает свет, и – кончен наш сеанс.

1984

АВГУСТ-91

Мясорубку заклинило – ныли «Реквием» Моцарта,
Созревала яичница под роман о Мегре.
И мазурики штатные сообщали про проценты
и про новое мышление в застарелом Кремле.
Президенты, как мальчики, то дружили, то ссорились.
Парвенозные новшества обживали эфир.
Я лелеял в блокнотике графоманскую скоропись
и цинично прихлёбывал бесполезный кефир.
А металл неподъёмен был, и не стоило пробовать.
Бард мяукал, что якобы занималась заря
(чем – хотелось бы выяснить), и в настырную проповедь
Я вникал безнаказанно и грешил втихаря.

А когда, дирижируя гениальным адажио,
Мэтр (не помню фамилию) всё сердцами владел,
Я в режиме анапеста рифмой текст унаваживал.
а к *staccato cantabile* неприлично храпел.
После дня чёрно-белого, трёхпрограммного нытика,
зачерствела действительность, как вчерашний батон.
А заря, как безумная, занималась – политикой.
и такой отвратительной, что об этом – потом.

18-19 августа 1991

ОКТАБРИ

Хрущёв и Лермонтов. Октябрь. Допустим, иды.
Решенье Пленума. Рожденья торжество.
Где – лысина?.. Бровей орлы приятны с виду.
Гусар в подгузнике. Стихи манят его.
Ужель в последний раз ласкаешь ты кормило!
Отпустишь – и один. И будто овдовел...
А тот у бабушки, задумчивый и милый.
Сопит и чмокает. А впереди – дуэль.
Не вовремя Покров: всё солнце вылезает.
Захлопнуть бы тетрадь подальше от греха.
Синеют *огурци*. По полю скачет *заец*.
Октябрь уж наступил. Уж роца отряха

* * *

В понедельник каждый-всякий,
ежедневный, ежегодный
старичок шестидесятник
то в метро, а то пешком
всё лелеет плешь седую
под беретиком немодным
(хорошо б его не сдуло
мимолётным ветерком).
Он был свойственник по духу
диссидентам бородатым.
Где ни глянет – всё чернуха,
всяко лыко в общий счёт.
И теперь, совсем как прежде,
как патологоанатом,
он всё правду-матку режет,

то есть, так сказать, сечёт.
Он выходит из трамвая
и из метрополитена.
Он, как пешка проходная,
переходит переход.
Веку атома и СПИДа
новый век идёт на смену,
а тому до суицида
остаётся, может, год.
Старичок, держи беретку,
нос по ветру (револьвером)
да присядь на табуретку,
дорогой интеллигент.
Нет в ногах (и выше!) правды,
в голове (и ниже!) – веры...
Нэ журыся, всюду прав ты.
Наступает хэппи-энд.

III

* * *

Нежностью книжника тронута книга чудес.
Благоухают страницы корицей и сдобой.
Но перечтём не о хлебе, насушенном днесь,
не о текущих лепёшках, отравленных содой.
Нет! О рокфоре, светящемся сизой слезой,
об уставном соответствии специй посолу.
Празднично брызнет рассыпчатой пеной Праздрой,
и кордамон, салютуя, зависнет над Псоу.
Срам осетрам, прозябающим в сонном садке!
Жги им глаза, отражённая жуть мельхиора!
И трюфелям: не являются ни перед кем
из-под земли, а уже угождают обжорам...
Странно совку в непредвиденном мире сладстей,
трудно жевать сочетания букв – постигая
силу филея, полезность травы сельдерей,
возгласы устриц, ранимую плоть расстегая
Проще усвоить: от сердца поможет коньяк,
чем приготовить уроки: как жрать артишоки.
Вот кон-семе, про-фит-роли. А вот, на полях

почерком ржавым проставлены цены эпохи.
Славлю поваренный текст за его прямоту,
за лапидарность советов хозяйкам нездешним.
Хочется печь и варить. И дарить животу
сладкую жизнь. Но в разумных пределах, конечно.

1991

СТАНСЫ РОБИНЗОНУ

По следам людоедского полдника, мистер Крузо,
поступает закат в Ваше веденье до восхода.
Нимфу можете выбрать, а если неймётся – музу
и плодить соответственно – гимн, серенаду, оду...
Мне ведь тоже дано – хоть в автобусе – уединенье.
Или в кухне безмолвной, один на один с минтаем.
Что – Свобода? Она – одиночество, или – деньги?
– Нет ответа. Поскольку мир – нё обитаем.
Дорогой Робинзон! Позвольте представиться. С Вами
говорит одиночка, к сему не причастный миру.
Я витаю, как Вы, в треугольном моём вигваме,
собираю крушений нетленные сувениры.
Простота воровства, звуковой набор деклараций.
Кособокою рифмой намазан сюжет на образ –
и на клетчатый фон нанесён мой стишок дурацкий,
и какой Аполлон внушил его мне, раздобрясь!
А каков Аполлон, такова и его Эвтерпа.
Таковы и иные – друиды, дриады, духи...
Мне бы только успеть проорать, не сбивая темпа,
что-нибудь посмешней из кромешной моей чернухи.
Мне бы только покрыться пупырышками озноба,
мне бы в гавани спрятаться, не поднимая флагов.
А лавровые веники пусть разбирают снобы
на каких-нибудь их коллективных архипелагах.

ПОХВАЛА АЛФАВИТУ

Из тех же самых тридцати трёх
как стих бы воспроизвести – трёп.

И мне бы сказочку, и вам речь.
А не *покажется* роман – сжечь!
Какая скука – лексикон стен!
Летите, рукописи, в сон, тлен.
Летите ввысь под гром литавр од,
печатный лист, абракадабр код.
Волхвов наитье – прототип строф ...
Но сдохни, принтер, линотип: стоп!
Перед порогом в нашу даль лет –
ни иероглифов, ни альф, бет.
Гермес. Слетает с язычка текст:
 «ЛЕЧУ ДАНАЕ ТЧК ЗЕВС».
Баян, на каторгу струны сев –
как индикатор старины, сед.
Греми, симфония! Перун – в Стикс*!
Кирилл с Мефодием. Перо. Кисть.
Тревожно лидерам, но скор срок –
грузиться литерам в набор строк!
Стихотворение. Вина – чья?
Бежит волнение от А к Я.
Что – вдохновение! – В висках кровь...
И – тем не менее – каскад строф.

УРОКИ МУЗЫ

Репетиторша Муза всё учит меня: «Полиричной!
Душу, душу раскрой! Да пошире, чтоб видели все.
Что за рифмы, старик! Так вообще рифмовать неприлично!..
Тут – любимую вспомни в её ненаглядной красе.
Тут – уместен пейзаж, непременно с дорожкой лунной.
Там – *обсценно* приправь нашу русскую удаль тоской.
А в четвёртой строфе намекни, что созданием юным
увлечён твой герой, ровно сдвоенный Гумберт какой...»

.....
И – корявый балбес – неужели дождусь пересдачи?!
Наконец, оправдаю унылый безрадостный труд?
И каникул мираж промелькнёт сыроежкой с дачи.
И седой академик мне, брезгуя, выставит «уд».
И с условной зачёткой рвану в виртуальное небо.

* Здесь: Днепр etc.

Там молчит ураган и орудует ласковый бриз.
Что земное теперь! Я всё грезил: небесного мне бы!..
Ну, и вот она, Вечность – труду и усердию приз!

СЛОВО ЗА СЛОВО

Качается кончик невидимой нити.
Чуть-чуть потяните, и я – понесу.
Не в сумке убоину, не на магните
сомнительной скрепки каркас навесу,

а – сущность судьбы, что не в блёклом валете,
но в свете Свободы (каков пируэт!)
Пирует со мной уж какое столетье,
нет, тысячелетье – свободен, как свет,

властям неподвластен, как лунное блюдо,
как ГИБДДшник, слегка вороват,
над всеми, кто скачет туда и оттуда,
глумится трёх колеров триумвират.

На суд светофора подходит автобус.
Он очень немолод и, кстати, рогат.
В углу его розовом теплится образ
водителя. Метит в троллейбусы, гад,

идущие боком к зелёному змию,
воткнуть незатейливый свой палимпсест*.
Кондуктора Настю, а может быть, Лию
ладони его возмутительный жест –

крутящий баранку изогнутый палец –
смущает, и ёрзает тазом она
по кафельной ванне. И мыло, плескаясь,
иссякло... Но стирка возобновлена,

и строчки настрочена квота дневная,
и сыплются литеры с красной строки,
чей кончик незримый, искрясь и сигнала,
с тем, первоначальным, сплетёт узелки.

* Появление палимпсеста – признак систематического злоупотребления алкогольными напитками – Википедия.

ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТЬЕ

Думать: о почерке и о походке.
Не – о сюжете и цели пути.
Здравствуй, Стрелок, остроумный охотник!
Вспыхни. Бабахни. Внуши. Просвети.

Взрыв – созидатель. За ним – тепловая
смерть. И на всё промежуток – пустяк!
Телом истлел? – Но души сетевая
версия теплится – не в небесах.

Медный узор в эбонитовой тверди
вплавлен, как жук, в материнскую плоть
платы на сервере давнем. Бессмертье –
даром в Рунете даровано. Хоть –

всё мирозданье на фокус похоже
и на арене, как злой лицедей,
Вечность со свечкой дежурит у ложа
с ложью спасенья, со страхом судей.

Всё и кончается Словом. Играя
звуком и буквой на зле и добре,
тысячелетье какое – не знаю
там кувыркается в вашем дворе.

* * *

«Цитата это цикада» – О. Мандельштам

Взлетал я в зенит и планировал вниз,
но я не участвовал в войнах.
Играл бессеребрено в бисер на бис,
как бес у небес беспокойных.
Клевал наклонений калёную суть,
ничуть не склоняя колено.
И лысого флага болтался лоскут
тоскливо – то клёво, то влево.
Болтун многоякий, глумливый глагол,
как гугол*, бездонен и гулок,
на руки, на крюки и просто – на пол

* Гугол – самое большое число на свете.

не лóжил охальных охулок.
Напротив: матроны, мужья и зятя,
Светланы, Ларисы и Вали
в восторг приходили, в мосторг заходя,
и 5 мне любезно совали.
Шестой – обглодает последнюю кость,
и вот я – журнально и книжно –
цикутой цикады от(п)равлен на пост,
на мост моего модернизма.
От берега А и до берега Б
он реет – от края до края.
Я – виден. Но главное: сам по себе.
Летая. Ликую. Играя.

ДУБЛЁРЫ

Легко охватывать детально весь мир, живя по сто времён!
И вот я экспериментально на сто дублёров расчленён.
Дублёр шевелит левым ухом; два догрызают карандаш:
один из них рифмует сухо, зато другой впадает в раж.

Дублёр снимает хату с краю; дублёр безмолвствует: хитёр.
С моей женой – уж я-то знаю! – живу не я, а каскадёр.
Вот мы, дублёры по квартире, перекликаемся, жужжа,
как будто мы – сорок четыре обериутские чижа.

Но наше поприще опасно, ни дня нам не прожить без ссор:
Один дублёр воскликнул: «Ясно!» –

«Туман!» – сказал другой дублёр.

И завязалась потасовка, и без труда в один момент
дублёр дублёру рушит ловко его опорный аргумент.
Мы все дерёмся на-отлично: вот нет уже дублёров двух,
и распадаюсь я как личность: направо прах, налево дух.
Рефлексы все из строя вышли,
сгустились сантименты в стресс.

Не существую, даже мысля: утратил к пище интерес!..

Дублёров бешеная свора меня живьём загонит в ад,
дублёр дублёру не опора, не друг-товарищ и не брат.
Пора уволить всю команду: эксперимент зашел в тупик.
Но кто из нас подаст команду? Кто – *настоящий* Воловик??..

* * *

Дорога прямая, и солнце блестит,
и звёзды горят на боку коньяка.
Чего не расслышу – пожалуйста: титр,
а не разгляжу – кто-нибудь да подсказёт...

этот сюжет

разрабатывать лень,
а хочется жечь, но глагол не из тех.
Я, дамы, пред вами не встал бы с колен,
когда б за плечом не мехмат да физтех...
Из тех, из которых ни выбрать, ни взять
ни ту, что подругой, ни ту, что сестрой,
я буду выискивать и вычислять;
чудесный напиток утроит настрой.
Нас трое, я в лицах различных един:
то царь или бог, то истец и брюнет.
Я то ниспровергнут, то непобедим.
Однако, не червь, потому что – Поэт!
Мне что́ по этапу – что́ по этажам,
что́ влёт – что́ ползком;
что́ запеть – что́ запить.
Неважно – позор или славу стяжать.
А важно: что звёзды, что Солнце блестит...

БУКВЫ И ЦИФРЫ

Как неверный супруг, урка мафии, или, как агент ЦРУ,
я живу двойной биографией и, наверное, так и умру.
С утра, развозящий цифры по вдрызг ледяной Москве,
я ночами играю в игры с буквами: А, Б, В...
Вроде граней кубика Рубика (но проворнее) их кручу,
и в скрипе мне слышится музыка, (одна из моих причуд),
может, бледная или резкая, а по мне – как раз в аккурат,
за застиранной занавескою бормочет всю ночь подряд...
Но наступит число на грабельки в одно из пасмурных утр,
и те цифирки как кораблики, в рублик сложены,
приплывут.

В этой связке – Рубики-рубрики – компоненты равно важны.
Суммы пусть будут кругленьки, остальное – любой длины.
Приручившему стаю ангелов зла-добра не пресечь черту...
Как атлет, увенчанный штангою, равновесие грузов чту.
Может, цифирки повесомее: их ведь меньше на тот же вес,
но зато от них больше оскомины, а от буковок больше чудес...
И пока эскалатор стонущий, обживаемый мной встояка,
репетирует рёв чудовища, я, подрёмывая слегка,
чудесами и пользой схваченный, балансирую на тропе,
как отец перекрёстной мафии или ставленник КГБ.

МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ

Мудрость плюс мастеровитость
это алгебра для всех.
Результат сложенья выдаст
оглушительный успех.
Надо жить не понарошку,
не *мышом* со склада дней –
поверяй свою гармошку,
пусть пиликает складней!
Чтобы жизнь предстала сказкой,
да прекрасной, а не злой –
не с прозаиками *кафкай* –
с поэтессой *небосклонь*!
Мир обыденности тусклый
повода порвёт и пасть.
То нажмёт на кнопку пуска,
то за денежками – шась!
Тот же, кто мудёр и мастер
(догадались? – Это я!) –
выше страсти, выше сласти,
секса, бакса, бытия.
Он, смеясь, по небу реет,
он касается травы.
Он и светит, он и греет,
он и радуется.

А вы?

IV

* * *

Лене Морозовой

Я выжил в хрупком мире чемоданном,
убитом злобным глазом полицейским.
Я вышел в свет с отмычкой от неба,
простой односторонний человек.
Меня пугал примерный биоробот,
пока я плыл, летел, пока вращался
в мерцающем ромашковом фокстроте,
пока я фрукты райские вкушал.
Я в небесах носился храброй птахой,
произносил смеющуюся ноту,
но мне не зря сияет глобус Солнца:
я заблужусь в фиалковых полях...

26 МАЯ 1966 ГОДА

Памяти Георгия Ница

В 66-м году, 42 назад
ярким утречком лечу я в цветочный ряд.
Облечён доверием, праздновать я рад
бракосочетания радостный обряд.

Вот я роз букет везу (розы – расцвели!),
к жениху на Курскую, после – на Фили.
Майский воздух светится, сладок и упруг,
и впервые женится мой высокий друг.

Я и сам половозрел и слегка нахал,
девушку какую-то в лифте целовал.
Машины знакомую в лифте целовал...
В мае губы просятся к девичьим губам...

Протекло всего-то лишь 40 с малым лет.
Губы так же тянутся, а ответа – нет...
Да и брак разъехался (дважды) по частям.
Гера, Друг высокий мой, где теперь ты сам...

26.05.2008

* * *

Ах, силлогизм, при чувстве – челядь,
непостижимом, как Сион!
Как математику поверить
в произвольность аксиом!..
Играть не буквой бы, а смыслом,
взлететь, хотя бы *вполхрома!*
Но рвутся перепонки систол
и плевры серой бахроме.
Чтоб тут дышать, хватая жадно
озон озноба, чуждый рта,
имей иной дыхалки жабры,
прецизионную гортань.
Не волк, но перекуйся в кузне,
сварись в 13 котлах,
пройди труда искус невкусный
и под каток асфальтный ляг.
В овечьей шкуре зубоскала
укрой укромный силлогизм.
И алгебру его вокала
поверь гармонией, что – жизнь!

ВЕДЬМИН МУЖ

Пока газеты шелестели, взывая к классовой войне,
летели светлые недели в арбатской лёгкой тишине,
бил в окна май зелёной масти, план перекрыв по листажу.
Мещанское, но всё же счастье зажгло, казалось, абажур.
Пока вполсилы миллионы ложатся в ров за рядом ряд,
горят Арбатом лампионы, а рукописи – не горят,
и в скучной суতোлке службы, между планёрок и речей,
единственный твой профиль нужный вставал из пепла чертежей.

Но пробил час нечистой силы, всплыло весомое дерьмо,
и чёрным вороном настигло меня безумное письмо.
О как прозрачен шифр твой детский: «Я стала ведьмой.
Не ищи».
Да как найдёшь тебя в советской полярной ночи и глуши!
Ни гром, ни ветер не ответят, где труп твой –
сколько бы ни звал,
и даже дьявол не ответит за то, что правит этот бал.
Лишь пляшет мразь поганой стаей, круша сознанием бытиё,
и всё живёт и побеждает афёра вечная её.

1984

МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Моё «КУПАНЬЕ КРАСНОГО КОНЯ».
Моя вдали «ГОРЯЩАЯ ЖИРАФА».
Мой «МЕДНЫЙ ВСАДНИК», медного уня
лихого скакуна, чей вздорен нрав,
зрит *медным взглядом* (для внушенья страха).
И спят мои, натужась, «БУРЛАКИ
НА ВОЛГЕ» – на ходу, но сбросив скорость.
Мои «КУРИЛЬЩИКИ», а может, «ИГРОКИ»,
понурысь, как и те, что у реки,
храпят, клубясь, в густой траве по пояс.
И в адрес жён их, крашенных красуль,
моя «ДЖОКОНДА» хмыкнет плотоядно...
«НАД ОМУТОМ» моим сверкнёт лазурь,
и сколько, мой «ПРОРОК», глаза ни щурь –
на мне не отыскать порока пятна.
Напрасно «ОБНАЖЁННАЯ» моя
влечёт меня в объятья всё смелее.
О как бы в них хотел очнуться я,
когда бы не валилась на меня
Вселенная в «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»...
О, мой «ЛАОКООН»... Я сжат кольцом,
удаду в зоб протиснут массой вязкой...
Ещё момент – и жизнь пройдёт, как сон.
Он выплюнет завязку от кальсон,
и вот: стихотворению – развязка!

* * *

А.

Я не живу с твоей карточкой, лживой от времени,
кряпчатой,
выжил и так, и пожалуйста – даже глаза не мокры.
Время садиться на корточки: прошлое рад до утра б читать,
время качаться китаичато, веки полуприкрыв.
Время – садится на корточки. Память – светла и улыбчата.
Впрочем, чревата провалами: связь-то времён порвалась!
Смрадно дыхание форточки. Стрелки часов – точно рыб чета.
Плавают пепел по комнате, пачкая красный палас.
Время сочится песочное. Чушь утечёт чемоданная.
Память, как магия магния – миг ослепит и спалит.
Мафией лайнер захвачен... В фарватере – Обетованная...
Но где же твоя фотография, главная, как исполин.

ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК

Когда мутный дождичек загоняет в подъезды
редких, как из Красной книги, могикан,
остаётся на улице один – облезлый,
никудышный, дурно пахнущий старикан.
Ему свищет милиция, а он, как заяц:
чмокнет полуботинками и – наутёк.
Чего ему неймётся? Одолела к парочкам зависть?
Так ведь они же смылись, или он не усёк?..

*Нет, старикова пара с ним пролетает рядом
В штапельной миниюбке с клёвым таким бантём.
Памятный Шестигранник реет над бедным садом,
архитектурный призрак, молодости фантом.
Небо зазря шуршало, корчилося и ловчило:
что старичку циклона ватная карусель!
всё перед ним кружится – гипсовая пловчиха,
пёстрые фейерверки, мятная карамель!*

Здесь, за горбом эстрады, дед младым шалопаем
лихо шастал кустами, будя ошалелых ворон,
и пыл его в молодости был так же неисчерпаем,
как в известном атоме – электрон.
Это он после сдал, хотя в нём и дремлет
прошлое, просыпаясь иногда на беду.
– Дедушка! Обождите меня! Я – Ваш преемник.
Можно – до остановки с Вами дойду?

ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ

Владимиру Герцику

I

Я человек полнолуния, комнатного безумия.
Не прозябаю втуне я, но тороплюсь в полёт.
Утро ли, ночь ли лунная – ну-ка, возьми в игру меня,
я поступлю, не думая – весь, как автопилот.

Я человек. Во льду ли я – всё, как в жерлѣ Везувия.
Тут не игра, в дыму моѣ – всё: и душа, и плоть
Действие – наказуемо. Рухнет – лови внизу его.
Крайний-то – я! – Ату его! Вот – бытия оплот.

Я человек неумения.
Я человек, потрясения.
Я человек увядания.
Я человек до свидания.

II

Я человек воскресения. Жизнь проскользнѣт без трения,
но – за крупицу времени, сорок каких-то лет –
не тормозя мгновения, сдвинет, отжав сцепление,
фокус стихосложения времени драндулет!

Я человек говорения – тусклого, но горения.
Не для меня гниение: мне не пристало – тлеть.
Я – человек хотения. Я не во тьме, но в теме я.
Вам ли сдержать в узде меня, пряники, петля, плеть!

Я человек разума.
Я человек вдохновения.
Я человек созидания.
Я – Человек-Мироздание!

ЧАЙНИК

Век живи. Научиться молчать на вопросы.
Бездыханность мобилы... – Могилы? – Ну да.
Розы – стихотвореньям, а прочее – в прозу.
Так прозаик распишет – шарман (лепота)!
В храм науки войду ли, в любви ли обитель,
бьюсь ли над теоремой (без толку – увы),
развлекаюсь ли контаминацией литер
или с френдами *чачусь* журналов живых –
всё едино: зависнет премудрый компьютер.
Дыба быта добьёт меня, пищи ища.
Ёкнет мышца и щёлкнет компостер кондуктор:
скок! – неловко головка от туловища...
Погляди, не бойсь, корифей, на Горгону,
не моргая, и гонор глумливый умерь...
Я дурацкий шансон волоку по вагону –
прочь от проводниковых драконовых мер.
Да, о розах! Я рос и не нюхивал чайных.
То же самое – чёрных. В бокалах «*ai*».
Я – о прочем. Я, впрочем, в прозаиках чайник.
И в поэтах. И в жизни. Привет. Ваш А.И.

ЗВЕРУШКА-66

Он крадётся, кренясь, на нестёртых шестёрках кривых.
Краевые дефекты эффектны, как те фейерверки.
Он упруго привстал, он увидел, наверное, львих.
Ловок, хищен, незрим... Может быть, он блефует? – проверьте!

На грядущие ритмы надеясь, и веря, и ждя,
он в преддверии бури бравурную гриву развесил.
Даже ночью, и в дождь сокрушительен жар куража.
Не жалей. Не залей! Он поэт, он поэтому светел.
Шесть столетий, спустя рукава, просвистят, как пустяк.
Аксакал, с высоты своих всех, он оскалится: классик!..
И шестёрки расчистят тропинку, что стала – СТЕЗЯ,
здесь он пассив младенцем, под стулом, на лысом паласе...
Вот он точит резцы, ставит лапу, и всё впереди.
Он писать приспособится, писать притерпится в тазик...
– Что же делать, скажите?.. – Попробуйте аперитив.
А потом – попытайтесь сомлеть в эксклюзивном экстазе.

2008

Марине

Птица голубь на фоне помойки,
в клюве ветка, в руке карандаш,
в небеса не взлетая нисколько,
я клюю то, что дашь.
Я всё время фатально впадаю
в э-ле-ги-чес-кий, кажется, тон.
Я воркую, топчусь, унываю
и не знаю, что будет потом.

ВЫВОЗ АНТОНОВКИ

Август на осень оставил смог.
Но не густой, и я смог отладить
слёгший – полёгший под сленгом – слог
в тексте – костистом (лишь звука ради).
Мой звукоряд весь октябрь зяб –
как у барона рожок, как зяблик –
к *нашим* баранам возврат – в рюкзак,
празднуня – в обществе спелых яблок!
Там – залился! – Так поют щеглы –
быдлу, смердящему перегаром...
Крайние меры помочь могли б

малым сим – мылом. Мылом малым.
А мимо со свистом – то лес, то гарь,
желтея песочно, ведь осень, осень!
Столовая. Кладбище. Бар. Бар
крикливые виллы. Чёрнополосен,
белый шлагбаум проплыл во мгле,
где кудри торфяников длили тленье.
Огонь, огорошен водою, млел.
Клесты, краснорожи, с рябин слетели.
Пора бы и мне дожидать снегов,
сося что попало в глухой берлоге.
Лелеять надежду, хранить любовь,
пригубить эзопов язык для пробы.
Но рельсы, как сёстры, бредят Москвой.
Антоновки вздох все следы попутал...
И я возвращаюсь домой – герой,
плодами нё перегруженный путник.

СКАЗКА

Слов в обрез. Мыслей тоже негусто, по правде сказать.
Образ жизни похож на какой-нибудь *modus vivendi*.
Я, как Ваня-дурак, шкандыбаю, плешив и пузат,
в лубяную избушку к косматой взъерошенной ведьме.
Уж не знаю, почует ли мой отвратительный дух
и пихать меня в печь поспешит ли, подставив лопату.
Я скажу ей: «Бабуля! Чего ты взъерошилась вдруг?
прямо жар у тебя. Не слетать ли сейчас к аллопату?»
И она расхохочется вдруг, словно фея, юна.
И воскликнет весёлым девчоночьим басом: «По мётлам!»
И уже мы летим! И вокруг расцветает весна!
И орлы поднебесны роняют на спины помёт нам.
В *vitu novi* летим, вроде Данта с Петраркой своей
или как мастерок с разбитною своей маргариткой.
Челюстями вставными напрасно не клацай, Кощей.
Хрен догонишь нас: ты, бессмертель, недостаточно прыткий.
Я стал тоже иной – обольстителен, строен и юн.
И в любом направленьи сумею обрушить удар свой
Кроме Волка, со мной рыжий Кот, между прочим, баюн.
И считай, что моё уже всё Тридевятое Царство!

ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Город дорог ли? Добр? Зол? –
Я не просёк мбзгом.
Слухом неловким ловил узор
звуков; хрипел гриппозно.
И пренебрёг турниром самцов,
пунцов внутренним цветом
(долгий утробных низов зов
не удостоил ответом).
Тóлько я глянул вскользь сквозь
чуждый видеоискатель –
тут же трофеем его унёс
неприятель... или – приятель?..
Ветрено кашлял. Высушив пот,
топал по пыльной плитке...
В общем, вышло, что я не тот,
не кот, до вкуснот пряткий.
Публику зля или веселя,
в скучной увяз вате...
Так что я оказался –
я: сам себе адекватен.

V

СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ

Военнослужащего полюбила змея.
Она ночами приходила к нему пешком.
А военнослужащий был такой же, как я.
Только я с их уставами поменьше знаком.
Он был, видимо, храбр: от армии не косил.
И дедовщину с пониманием принимал.
И то сказать, тронь его какой-либо дебил –
до койки до собственной вряд ли бы дохромал.
Вонзился в дебила бы жала злой язычок,
дебилу бы плохо было, он даже бы сдох.
А военнослужащий получил бы зачёт,
боевой отличник и кавалер орденов.

Он потом, наверное, генералом бы стал,
потому что сызмала жезл железный носил,
потому что верен был лишь змеиным устам
и от армии потому что не откосил.
А я перевожу, запаса старый старлей,
в черновики лес, чтобы пнями прорастал в них.
Не взрывал, не орал «Огонь!» И сам себе змей.
И даже курсор от меня уполз, изменив.

ПАУК И МУХА

Человек-Паук укусил Человека-Муху
Человеку-Мухе лететь бы куда фасетки
Но он был аскет и сознательно шёл на муку
И нарочно запутался в цепкой паучьей сетке
Человек-Паук питательно впрыснул в кожу
Человека-Мухи сок чтоб толстела мякоть
Обезболил добавил к соку стакан наркозу
Округлил как нолик до самых дотошных знаков
Окормил как батя по-полной и ждал надеясь
На наружный процесс верней на его ферменты
Человек-Муха вспотел переполнен через
И впервые подумал что сладкие экскременты
Для него возможно потеряны безвозвратно
Равно как и самки сладкое же жужжанье
И телесно выпитый залпом от жажды жадно
Он душой улетал на новых крылышках ватных

БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ

Окольцована Вселенная-птица – кем?
Небо – ночи чучело ли, луг ли Луны?
И Луна – не колобка ли литой манекен?..
Цопнуто кольцо-то! – Нибелунгами ли?
Бурные валькирии, трилистники трэф,
мастеру Вальпургию бубнили хор.
Червлёными пиками в лунный серп
целили, метафоры метали с гор.

Эллипсы-параболы, скринсейверы-псы,
сторожите жителей – пасынков лун,
когда масти лунной на выпасы
шествует животных седой табун.
Бубном потрясающий, пикой востр,
карлик где-то канул в конце Луны.
Средь трефовых клеверов или роз
спят сухими червами – валуны.

ВСЯК

и назовёт меня всяк...
А. Пушкин

Путь вьётся, как угрь фри.
Уж финиш, а старт стёрт.
11 вдруг: три.
Четыре, прикинь, 100.
Устои – пустой сон,
учтивая чтив дичь.
Ни шанса на шансон –
сподобиться б спеть спич.
Нерадостен груз грёз:
резвонил, дерзал – зря.
Дозатор двойных доз
зашкалил, разбег взяв.
Где разница: тел? лет?..
Не сгинь, но согни миг!
Да, в сущности, мет – нет,
в чьей памяти игр – гиг.
Темнеет, и стих стих.
И Windows в окно – звяк!
И в судороге в горсти
сдох сущий
язык.

Всяк.

ЗВУКОВОЕ

* *

Купола залатала игла как могла
Углеглазая мгла за углами легла.
Повезло, и зело узколобое зло
узловатым козлом за излом уползло!

* *

Полили ли лилии, пилили ли липы,
пуляли ль по линии палеолита,
по пеплу ли плакали, плова ль алкали –
поплыли на плюс, а на полюс попали...

* *

«Молебен мобилен. Ломи, молибден!» –
под блюда не мы ли долбили...
А кто не добыл, или, там, не добдел,
те, блин, обалдели, дебилы!

* *

Для встречи с вурдалаком
намазал морду лаком,
а то бы больно лаком
я был бы вурдалакам.

* *

Папа пепел сыпал на́ пол.
На́ пол пепел сыпал папа.
Мама мыла этот пол –
Навалило пепла, мол...

* *

Не будь добра до брака,
но в браке, будь добра,
добудь под брагу рака
да против мрака бра.

* *

Шёл парфюмер в Парфенон:
был ювелир юбиляр.
Нёс сувенир суверен...
Стой, фарисей! Семафор!

* *

Цаца Тата *чатится*.
Тате кстати танцы-то.
То-то Тата тащится
от цитаты Тацита!

* *

(написано в жару)

От куска отпуска
пот с виска. Стоп, тоска!
Тот пускай – в топку скал,
кто с куста ток пускал!

* * *

Полковнику никто не пишет

(Г.Г. Маркес)

Нагляжусь из окна на луны невалютный лимон
и – на волю: скрепя аппетит, посетить общепит.
Я – банкрот. Все мои сбереженья потратила моль –
нафталином колоться, колёса клоповника пить.
Извините, Полковник, я шлю Вам письмо за письмом,
настоящий, но старший и старый, как хрен, лейтенант.
И не тянет запас из кармана на жизненный склон
ни копья, только пью невалютной луны лимонад.

ШТУКИ

Стихотворение – не анекдот.
Не излияние и не глюк.
Не чувств *половодье*. Наоборот.
Это – УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.

Дам пояснение, кто туповат
(в первую очередь для себя).
«ШТУКА» – то, что летает – над,
фабулу комкая и торопя.

ШТУКИ – первичны. Как Слово: То,
Сказанное (О чём?.. Кому??.)
– Ну, а про что они? – Ни про что.
– Свет-то прольют? – Ни в какую тьму.

Каждая – абсолютно чиста.
Как эталон. Или – ориентир.
Это – кристальная красота.
Она никогда не спасает мир.

ШТУКА за ШТУКОЙ свой звон, штрих –
вносят *поштучно*, и вот (вдруг!)
выкристаллизовывается – стих.
Т.е. УПОРЯДОЧЕННЫЙ НАБОР ШТУК.

ЭТЮД

Она издавала панический крик,
который был слышен издавека.
Она издала несколько книг
общим тиражом, неизвестным пока.
Она веселила скоромных мужчин,
я даже сказал бы – трэфных хрякóв,
и дюжину кофеев «каппучин»
без закуси на-спор смела с лотков.
Когда же поплыли наперекосяк
любимые – город – газон – кровать,
она говорила одно: пустяк
и продолжала пиры пировать.
Но вот, как в частности, так и вообще,
затмила светило чужая тень.
В дверях засветилась заглавная «Ч».
Плеер облезлый обрезал трель.
Летучие крылья сложил вампир,
и бухнул колокол – ни о ком...
Пойми теперь, кто – бормотал, вопил,
и кто – выпрыгивал из окон!
А там, где вибрировал хронотрон,
перелопачивая быльё –
свалка разобранных хромосом
для вос-произ-веденья её.

* * *

Дм. Авалиани, А. Бубнову, С. Литвак,
Г. Лукомникову – мастерам

Палиндромы, анаграммы, листовертни и т.д.
рыщут как бы за горами и в неведомой воде.
Наклонись за отраженьем, глянь – и вытянешь сюжет –
и из пальца, и из жмени, без страдальцев и без жертв.
Без какого-либо катор-

жного рабского труда
с симметричного плаката в рифму лезет ерунда.
Но за этой ерундою, незаметные почты,
славу стройке и удою запевают трубачи.
Они дуют, поддувают, раздувают смысла свет,
но выводит их кривая в те края, где смысла – нет.
И бесформенная заумь кличет книжку и тетрадь
плакать твёрдыми слезами, *красным смехом* хохотать.
Ни сюжета, ни морали, из трезвона бубенцов –
чики-брики, трали-вали, ёксель-моксель, *цекон цов!*..

VI

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ ПОСТУПАТЕЛЬНО

Время перемещается поступательно
и почему-то рябит поперёк.
Выдыхает мгновенья спрессованные
знаменательных и незнаменательных дат.
Ах, как – по этому эскалатору,
движущемуся вниз и вперёд –
я с удваивающейся скоростью
пробежал бы вверх и назад!
Быстротечные нулевые года,
т.е. от нуль первого по десятый, пока почти что не в счёт.
Они, правда, чем-то, и даже многим, похожи
на те, что давно прошли.
Как будто бы некто в бесцветном,
а может быть, просто чёрт,
Из особенной эзотерической вредности
перепутал девятки, тройки, нули.

Во всяком случае, я б оттолкнулся
пятою *ошпóренной* от современности и – айда –
в смутные девяностые,
где грозные теперь олигархи ходили под стол,
где путчи коммунистические
сотрясали столичные города,
а свободному телевидению только ещё грозили
державным перстом.
Приостановился бы в памятные 80-е
и поглядел бы ещё, может быть, разок,
как в апрельском озоновом воздухе
б-я статья Конституции неуклонно катится под уклон.
С дебатирующими депутатами,
как серсо, покатал бы Пятое колесо.
Отоварил бы свеженькой водочкой
ежемесячный блёкловатых тонов талон.
Задержался бы, застоялся бы
ещё на 10-летие-полтора позади.
Кроссворды в душевной курилке, ЛТП (личный творческий
план), стенгазета по вечерам.
Производственные чаепития, мемориальные пряники,
строго с портретов – вожди.
Все ещё живы и деятельны.
Дети лопочут и ползают – пи-пи да ням-ням.
А чуть выше – сангвиником-козликком
я по лесам, кинозалам и даже озёрам
(не бодаясь!) скакал.
Ах, гулянки, экстаз молодой, поиск *методом тыка*,
вот-вот догоню, (о)познаю, короче – найду.
И неожиданный после увенчанный закономерный
и, как оказалось, довольно успешный финал.
То есть новая жизнь началась и, возникнув,
в момент превратила предыдущую в ерунду...
Ещё на ступеньку-другую, и вот:
год одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмой.
Май. Орлов над вокзалом и молнии над мостом
я вижу, как будто вчера...
Июнь. Полыхание запаха: липа.
Не злой, но всё-таки, кажется, зной.
Август-сентябрь. Жара.
И отчётливо слышно лязганье танков из-за бугра.
Но выше, выше!

Туда, где доска в интегральных красуется кружевах,
где среди лекции по *диффурам* приёмник
чуть ли ни детекторный – Гагарин! – вскричал.
Несанкционированный выплеск восторга,
манежные струи очищающих вахт...
Всё теперь – наше! Москва – космопорт,
спутников гордый причал.
И ещё: по склонам грядущего МКАДа
укладка квадратной травы.
Целина, где восходы, свинарник
и розовый тальник на нём.
И картофельные пыльные будни,
без годов и без дат, увы...
Это время, с которым сегодня я как бы на Вы,
а когда-то скакал и резвился весёлым и глупым конём.
И на угли глядел у костра, однозначно и монотонно
угасающие к утру.
И думал: вот это запомню теперь навсегда
(и запомнил – вот!)
А наверное, это я (да и все мы) в такую играли игру,
как бы двигали фишки: работа, урок, поход...
Я смотрел как на площади Красной –
ещё допионерские карамельки жуя –
из далёкого ряда, у ГУМа,
а в душе ликовал и пел –
небольшой – но я знал, что Великий –
человек в шинели (это я Его вижу! Я!) –
попирая могилу предшественника,
выколачивал смрадный из трубки пепел.
И уж вовсе времён в глубине я гляжу,
как, найдя под откосом тайник,
мы, дети, кидались боевыми гранатами
(и почему-то не взорвались).
А однажды с юга на север (или с севера, может, на юг)
– откуда он к нам проник? –
проплыл дирижабль красновзвёздный
зелёный, как огурец или длиннозёрный гигантский рис.
Внизу за глухим забором, но сверху мы видели всё,
жил бывший поверженный враг:
пленные хмурые немцы копошились,
и доблестно их сторожил наш геройский конвой.
Мы знали: *покажь* им красную тряпку,

на советский хоть отдалённо похожую стяг –
ух как бы они – *Доннерветтер!* – зашлись бы,
закашлялись в ругани злой!..
А бабуля на керосинке, не глядя – да и зачем! –
варила рисовый суп.
Толокняную кашу под цвет одеяла,
мешала в кастрюльке и грела среди одеял.
Дедушка с мамой трудились за свой небольшой
ещё дореформенный рупь.
И постоянно отсутствовал пропавший без вести папа,
которого я никогда не видал...
Что ж, эскалатор приехал, вот оно, начало времён.
По дороге в Москву
безликий мужчина в кепке надо мной,
на подушке узкой лежащим, глянул в окно:
«Подъезжаем к Казани» – сказал – и с этою фразой
я почему-то всегда живу...
Но ещё из времён было самое давнее,
скажем, времени – дно.
Стульчик высокий, кажется, серый,
но может, и голубой.
В кухне просторной сияет и блещет
медный начищенный кран.
Около двери соломенная копна –
она называется «просо» – стожок небольшой...
С дедушкой на траве... Печенья-коржи на соде...
Далее тишина, бессловесно гаснет экран.

ВЕК МНОГОЯК

Век многояк: то трепет недр, то цокот монет.
То нет Материи как нет, то Времени нет.
Но он проедет перегон и ляжет в аннал.
Его не сгубит самогон-тротил-аммонал.
И, руша фабулы скелет, событий мня воск,
сечёт-сечёт его (сто лет не просечёт!) – мозг.
Оцифровал за годом год – и что, что их сто! –
компьютерный бесстыжий код, и врёт, и врёт – что:
превышен уровень того, принижен – сего,
и где резвилось божество – гниёт вещество.
Ещё вчера зияла щель – сегодня: бугор.

И не злодействует Кощей, смещённый Ягой.
Деревенеет капитал, чтоб ткань стала – сталь.
Где голос пел и обещал – сегодня: «Отстань!»
Вот пожелтел газетный лист, не жжётся глагол,
Ваяет монументалист мемориал – в стол.
И всё напористее тьма, безжизненной свет.
Нет памяти и нет ума. И времени нет.

ДЕЛА

угрожал ножом нанёс побои // след зафиксирован
справкой врача // врезалась в пень пострадали двое //
вывихнула ключицу плеча // окопался с бабой в
проданном доме // дверь на замке телефон отключён //
отлучился на год в пустыню гоби // она уже с
ветеринарным врачом // ворвался в комнату ругался
матом // махал кулаками дразнил собак // соседа-
ветерана обозвал «приматом» // научила ребёнка «папа
дурак» // появился пьяный крушил посуду // пианино
деку разбил топором // не спускает воду гадит повсюду //
жилая квартира беспредел погром // ехала на красный
вырвали мобилу // потерял расписку чемодан вокзал //
отобрал бумажник прямо у могилы // справка
об отцовстве нанёс угрожал

* * *

Забудь каток и колесо, историю и шар.
Забудь наивное – когда ты верил: что-то есть.
Недоказуемое Всё, неведомым шурша,
всё тает-тает... И еда – единственная вещь.
Увы, законы (дважды два) и практика (курьёз!)
равно сомнительны. Одна метафора права,
Она с капелью ржавых крыш сольёт дождевики слёз,
к вулкану приравняет прыщ и к музыке слова.
Метафора родит лиризм, она включает свет.
И в этом свете (только в нём!) является предмет.
Всё – виртуально: водоём, квартира, интернет...
Так называемая жизнь необъяснима. Нет.

ВОЛОВИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ*

В мир проведён по кастингу,
душ золотою ковкою,
я – Воловик лекарственный,
я – снеговик с морковкою.
Что же, что небо пасмурно,
словно бы бесом создано!
Я исцелю от насморка
и от любви без отзыва.
Я успокою боли и
все рецидивы – побоку!
Прочь! – чернота меланхолии,
ревмодонтоза колики!
Цапнет це-це ли цепкая,
кляцнет тоска ль клыкастая –
хватит махать рецептами!
Я – Воловик лекарственный.

* * *

*Быть может, всё в жизни лишь средство
для ярко-певучих стихов – В. Брюсов*

Ни вздоха, о друг мой, ни вздора,
какой ни получишь сигнал.
Пусть даже подарит Пандора
свой ящичек, чтобы – сыграл.
Сыграй. Например, в ре-миноре.
Народ зарыдает навзрыд...
Но помни: *memento-to – mori!*
Забудешь – а он не простит.
Ты будешь стремиться всё выше,
но вновь понедельник, и вот –
в подельники к чёрту запишут,
дадут от ворот поворот.
А дальше в какой-нибудь вторник
свершится судьбы произвол.

**Воловик лекарственный (Anchusa officinalis) обладает противовоспалительным, антибактериальным, ранозаживляющим, мягчительным, отхаркивающим, жаропонижающим, потогонным, мочегонным и антигормональным действием.*

Тот, чьё бытие не бесспорно,
будильник на вторник завёл.
Так выкинь обиды из сердца,
пусть в нём только боль и любовь.
А жизнь – эксклюзивное средство
для звонко-певучих стихов.

ПАРАД ПЛАНЕТ

Всё, вроде, кончено. Заделов больше нет.
Подобраны все рифмы (на помойке:
там – сор. Тот, из которого – стихи).
Окончен труд. Теперь я жду награды.

А через полчаса – *Парад Планет*.
Венера с Марсом с вечера по стойке
равнялись «Смирно!» (а она: «Хи-хи!
Не щекотись! А то уйду с парада!..»)

Но Марс её в заложницы позвал
и – *заложил*: за воротник и галстук,
так что пришёл в волнение и экстаз
повеса, фат и донжуан Меркурий,
который, хоть и не любил овал,
но тут (в *экстазе*) рвался и метался,
и в этот *таз* слезами пролилась
гроза начала мая. – Кто дежурный?
Убрать! – раздался страшный голос вдруг, –
парад и *это вот* – не совместимы!
Немедля прекратить! Из ряда – вонь!..
– Кто это, – я спросил, – Юпитер что ли?..
Ответа нет. Безмолвие вокруг.
Подумал: значит, вот, о чём грустили
со школьных лет обжившие амвон –
о Вечности...

И снова всё, как в школе:

глагола первый ощутив ожог,
рифм штук по сорок заносить по будням
в блокнот, и, тужась созидать сонет,
их рассыпать частично по дороге...

Парад, меж тем, уже произошёл.
Махал Сатурн своим цыганским бубном,
пока Юпитер, маршал среди планет,
скакал пред них на белом Козероге.

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ

Как фотоновый поток – навесу,
как наждачного искра́ колеса –
по Садовому катаюсь кольцу
и сезонно дожидаясь конца.

Время вышло, и о нём не жалею...
Это – было. А теперь выбирай.
Если нолик на конце – юбилей.
Если два их, то водичку сливай.

И пока ещё по жилкам журчит
и головка ещё варит, урча –
если крестик, то вообще помолчи
да не ляпни ничего сгоряча.

Ну и что, что я к закату иду!
Я и в эту пору фору вам дам.
Не желаю быть властителем дам.
А желаю быть ласкателем дам.

СНОВА ЖИЗНЬ

Вблизи вонючего бомжа безлюдная окрестность.
Вот так и смерть: лежи один и ожидай конца.
Кого склоняют в падежах, кто, увлечён невестой,
ей поверяет марки вин и проб внутри кольца.
Кто сочиняет мадригал, кто кисточкой навскидку
ваяет за шедевром, ше-девральной муру,
кто жизнь последнюю отдал любимому напитку,
мол, так ли, как-нибудь ещё, а всё равно умру.
И очень мало кто – как я – осанну бы бомжу пел
и именительный падеж на палке поднимал.
Мне не свербит небытия жопоподобный жупел.
Я не воплю: «О юность, где ж
твой терпкий карнавал!..»

Он – продолжается! Лечу всё перистей и выше.
Мне всё едино: юрта, чум, яранга, дом, вигвам...
Вот, отпаясничав, как мим,
я в ближний космос вышел.
Вот рухнул разноцветный мир
к моим нагим ногам.
А вот опять в моём метро, поодаль от бомжа, я
сцепляю в стих обрывки строк и, в поисках новизн,
то вызову восторг, то смех, меж буковок блуждая.
А вы всё говорили: смерть. А это снова – жизнь!

КАКТОПИСЬ? – ТАКТОПИСЬ!

*Каждая буква на вкус – кекс.
А вместе – пляшут онъ трепака – ~1970-е*

Кактопись. Где бы ни баловство –
музыки всюду звенит злодейство.
Телек бесстыжий свой тычет ствол –
дуло для пробиванья отверстий
в плоти – чтоб улетела душа
от телезрителя, в том числе, и –
закувыркалась, на брудершафт
с богом поддавши, но так же тля,
как и отверстая дулом плоть,
плотность теряющая со свистом...
Старый усталый стою остолоп.
Вою слова безголосым *солистом*:
всякое слово на вкус – *соль*,
и ноется на такой же ноте.
Сон ли сусолит словесный стон,
стол ли застолье сулит в блокноте...
Белкой по ёлке ли промелькну,
ляпну ли мысль или смехом брызну,
рыкну *горланом* ли на луну,
лирика ли прикину харизму –
всё-таки *тактопись* пестует стоп
поступь, и пусть потупятся те, кто
не поступились седым мастерством,
псевдопаря кистепёрым текстом...
Чуйства поэта-то – это же то,
что отличает его от прочих.

Розы сморозят его торжество.
Кровью любовь запузырит почерк.
Ахнет *либидом* его строка
Пахнет ли телом, карбидом, пищей –
Вечность – не фраерша. И – легка,
и бескорыстна – почти, как нищий.

ПИШИ ПРОПАЛО

Продолжим тему, что жизнь – игра.
Подол шить тем, у кого с утра
в саду висело плодов – число.
Но – дура! – съела! Произошло...
«Укрыть фигу-уру! Стыдом умру-у-у!..»
Сердитый гурӯ сорвал игру.
Ревел, как барин: «Зачем не раб!»
Рай был бездарен. Была б игра б!

.....
Играют дети клавир фоно.
Играет ветер, гудит в окно.
Игра – без краю! (О, как я с Ней
во сне играю!..)

И – как во сне –
играет солнце на трубах дней.
И грéет сон сей, но вдруг слабей...
Игра без правил, и всё на кóн.
Как кто убавил свет из окон!
Доска тускла и дебют забыт.
И *куклукскланит* – в капоте быт.
Король в цугцванге? – Да он валет!
Спроси у Ванги про старость лет.
Спроси про серость, про белизну...
Цвелось и пелось, а вот слизну-
ла злая бяка, как языком...
Пиши, однако.

– Куда?

– В местком.

– Чего писать-то? Скачать с чего?

Что нет достатка? Что всё черно?..

– Не надо жалоб и куражу.

Пиши пропало.

– Пишу, пишу.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Январский вечер.....	3
МУЗЫКА.....	3
ОТЛАДКА.....	4
Бог создал бороду	5
Как сказать – тихо, или погромче?	5

II

МУЗЕЙ.....	6
ЦИРК	7
АВГУСТ-91	7
ОКТАБРИ	8
В понедельник каждый-всякий	8

III

Нежностью книжника.....	9
СТАНСЫ РОБИНЗОНУ	10
ПОХВАЛА АЛФАВИТУ	10
УРОКИ МУЗЫ.....	11
СЛОВО ЗА СЛОВО.....	12
ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТЬЕ.....	13
Взлетал я в зенит и планировал вниз.....	13
ДУБЛЁРЫ	14
Дорога прямая, и солнце блестит	15
БУКВЫ И ЦИФРЫ.....	15
МУДРОСТЬ + МАСТЕРОВИТОСТЬ.....	16

IV

Я выжил в хрупком мире чемоданном.....	17
26 МАЯ 1966 ГОДА	17
Ах, силлогизм, при чувстве – челядь.....	18
ВЕДЬМИН МУЖ.....	18
МОЁ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО	19

Я не живу с твоей карточкой.....	20
ЛИРИЧЕСКИЙ СТАРИК.....	20
ЧЕЛОВЕК-МИРОЗДАНИЕ.....	21
ЧАЙНИК.....	22
ЗВЕРУШКА-66.....	22
Птица голубь на фоне помойки.....	23
ВЫВОЗ АНТОНОВКИ.....	23
СКАЗКА.....	24
ВОСПОМИНАНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ.....	25

V

СЛУЧАЙ С ВОЕННЫМ.....	25
ПАУК И МУХА.....	26
БУБНЫ И ДРУГИЕ МАСТИ ЛУНЫ.....	26
ВСЯК.....	27
ЗВУКОВОЕ.....	28
Нагляжусь из окна.....	29
ШТУКИ.....	29
ЭТЮД.....	30
Палиндромы, анаграммы.....	31

VI

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ.....	31
ВЕК МНОГОЯК.....	34
ДЕЛА.....	35
Забудь каток и колесо.....	35
ВОЛОВИК ЛЕКАРСТВЕННЫЙ.....	36
Ни вдоха, о друг мой, ни вздора.....	36
ПАРАД ПЛАНЕТ.....	37
КРЕСТИКИ-НОЛИКИ.....	38
СНОВА ЖИЗНЬ.....	38
КАКТОПИСЬ? – ТАКТОПИСЬ!.....	39
ПИШИ ПРОПАЛО.....	40
СТИХИ С ПОДВОХОМ.....	41
СЛЕДУЮЩАЯ ЖИЗНЬ.....	41

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

Александр Иосифович Воловик
СЛОВО ЗА СЛОВО
Стихи

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная вёрстка — Марина Кива
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 29.03.2013
Подписано в печать 08.04.2013

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75